

ное, что в тот момент мы от него услышали, было: «Я не понимаю, почему так». И вообще он с головой окунулся в работу в Институте востоковедения, всей своей жизнью подтверждая слова своего великого отца: «В чём же лучший праздник как не в работе!»

– И, тем не менее, в свободное время вы ведь встречались?

– Естественно. У нас была дача, и мы старались в выходные дни вывезти его на природу. Постепенно у Юрия Николаевича подбирался круг друзей. В него входили такие замечательные художники, как Б.А.Смирнов-Русецкий, В.Т.Черноволонко. Все они были духовными последователями Н.К.Рериха.

При встречах Юрий Николаевич рассказывал о жизни в Индии, о родителях. Особенно запомнился мне один эпизод. Когда скончался его отец – Н.К.Рерих, тело по индийской традиции должны были предать огню, повернув лицом к далёкой Родине, на север. И по обычаю костёр должен был поджечь старший сын усопшего. Можете себе представить, что пережил в тот момент Юрий Николаевич, взяв в руки факел!

– Это просто трудно вообразить! Хотя мы и знаем, что физическое тело всего лишь временная оболочка человеческой индивидуальности, нам всё-таки трудно не отождествлять их. Ведь всю жизнь мы видим, слышим, осязаем людей, тем более своих близких, именно в их земной оболочке. И, наверное, в этом Юрий Николаевич не был исключением. А уж что касается родителей, чьи образы запечатлеваются в наших сердцах с детских лет!

Тем более в такой удивительной семье! Удивительной по уровню духовной, сердечной, интеллектуальной близости с детьми, какая была в семье Рерихов! Семья Рерихов – это, конечно, пример настоящего творческого, космического сотрудничества, пример планетарного масштаба. Этот пример особенно важен в наше время, в нашей стране, где за последнее столетие проблема семьи, воспитания решалась в очень широком диапазоне: от традиционно-православного до коллективистски – обезличенного. Совсем отрицать воспитание в коллективе было бы несправедливо, но тепло домашнего очага, родительской любви необходимы человеку для становления его полноценной личности, личности гуманной, нравственной. А как раз этого и не хватало многим поколениям, выросшим в пятидневном детсадыке, в школьной «продлёнке», при остром дефиците родительского внимания. Об этом даже расхожий анекдот в своё время был, как отец привёл ребёнка домой из пятидневки, а мать ужаснулась: «Ребёнок-то чужой!» – «Ничего, – говорит отец, – всё равно в понедельник отведём обратно».

Впрочем, даже в эти времена мне доводилось знать родителей, где тем или иным способом создавалась семейная традиция. Например, одна знакомая мне мать семейства каждое воскресенье вставала в шесть часов утра, чтобы обязательно испечь пироги. И на вопрос «Зачем?» – отвечала: «Хочу, чтобы дети на всю жизнь запомнили запах дома, запах маминых пирогов». Сегодня эти дети сами стали родителями и стараются как-то продолжать материнскую традицию. Возможно, кому-то это покажется мелочью, но ведь наша быденная жизнь, бытовая культура складываются именно из подобных мелочей. Из них растёт уважение к своей семье и корням, к своей земле и народу. И, конечно, понимание труда на общее благо тоже идёт, прежде всего, из семьи, где маленький человек знает, что не только он, но и его близкие – каждый имеет обязанности и права. И мне думается, что человеку, выросшему в гармоничной семье, легче определить смысл своего существования, понять красоту жизни.

– Вы заговорили о красоте жизни. А каково Ваше понимание красоты, например, красоты женской, красоты человека?

– Красота – понятие очень широкое, и прежде всего зависит от нашего мировоззрения, нравственных установок, социального статуса. Мне кажется, что до сих пор не устарели этические принципы Николая Гавриловича Чернышевского. Вот как сравнивал он представление о женской красоте у крестьянина и светского человека: «У молодого поселанина или сельской девушки будет чрезвычайно свежий цвет лица и румянец во всю щеку – первое условие красоты по простонародным понятиям. Работая много, поэтому будучи крепка сложением, сельская девушка при сельской пище будет довольно плотна – это также необходимое условие красавицы сельской. Светская «полувоздушная» красавица кажется поселянину решительно «невзрачною», даже производит на него неприятное впечатление, потому что он привык считать «худобу» следствием болезненности или «горькой доли». Для светских же людей бледность, томность, болезненность имеют другое значение. Если поселянин ищет отдыха, спокойствия, то те горожане, у которых материальной нужды и физической усталости не бывает, но которым зато часто бывает скучно от безделья и отсутствия материальных забот, ищут «сильных ощущений, волнений, страстей». А от сильных ощущений, пылких страстей человек скоро изнашивается: как же не очароваться томностью, бледностью красавицы, если они служат признаком, что она «много жила?»

– Из столетия в столетие менялся и сам идеал жизненной красоты. Но, конечно, классический образец физической красоты человека пришёл к нам из античного мира – до сих пор пропорции идеальной женской фигуры, установленные греками находят отражение в стандартных размерах готовой одежды. А эстетические идеалы эллинской культуры брали за основу и великие художники Возрождения, одухотворив пластическую красоту древних греков светом Христианства. вспомните Боттичелли, Рафаэля, Леонардо да Винчи... Ныне высокий идеал духовной красоты вряд ли увидишь на лицах победительниц конкурсов красоты, где больше ценится не одухотворённость, а сексуальность, хотя надо сказать, что принимаются в расчёт и умение девушки вести себя, говорить, быть не просто красивой, но и обаятельной.

– А то, что мы зовём обаянием, и есть та самая гармония внешнего и внутреннего строя человека, которая и делает общение с ним особенно привлекательным, и это в большинстве своём зависит от нравственной основы человеческой личности. Ведь обаяние – это умение правильно строить взаимоотношения с окружающими. Такого человека отличает не только содержательная и культурная речь. Он способен хорошо слушать, правильно относиться к себе и людям, преодолевая в себе всё узко личное, мелкое. Быть обаятельным значит обладать жизнелюбием, но и подвергать себя постоянной критике, бороться против зарождающейся в тебе неприязни к людям, зависти, невежливости, нерадивости, равнодушия. Обаятельный характер – надёжная основа обаятельной внешности. Наверное, именно таких людей можно было бы назвать, перефразируя высказывание Н.К.Рериха, «проводниками прекрасного».

Вот как звучит изначальная мысль Н.К.Рериха:

«Убедительный проводник прекрасного даст вам часы, в которые вы полюбите жизнь. Вы будете признательны тому, кто помог вам улыбнуться жизни. Вы станете добрее, в вас пробудится творец, скрытый в недрах сознания».

С. Махотина

ВЛАСТЬ КАК ЖЕРТВА

Когда маленький росток погружает корни глубоко в землю и впитывает её соки, он вырастает огромным и могучим деревом. Так и человечество взрослеет и эволюционирует, когда вспоминает о великих героях прошлого и применяет их опыт в современной жизни. Выдающийся английский философ Томас Карлейль (1795 – 1881) в своей работе «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1) отметил, что история мира есть, в сущности, история *героев* – вдохновителей, воспитателей и вождей народов. Он приводит классификацию различных типов героев: *божества, поэта, пророка, духовного пастыря, реформатора*, где особое место отводится *герою-правителю*, поскольку он органично соединяет в себе лучшие качества всех остальных типов. Если кратко суммировать основные, по мнению Карлейля, качества, выделяющие такого героя среди обычных людей, получится следующий список:

- глубокая искренность и пронизательность;
- умение сквозь внешнюю видимость проникать в истинную сущность вещей;
- посвящение себя деятельности, преобразующей мир;
- ощущение водительства Высших Сил;
- духовное наставничество своего народа;
- одиночество среди толпы.

Такими качествами в полной мере обладал знаменитый император Индии *Джхаладдин Акбар*, годы правления которого (1562 – 1605) историки мира единодушно называют «веком Акбара». В переводе с арабского Акбар означает «Великий», и жизнь его – лучшее тому свидетельство. «По действиям и движениям он не был похож на людей этого мира, и величие Бога проявлялось в нём» (2), – писал его наследник Джхалангир. Индийский философ и общественный деятель, религиозный реформатор Свами Вивекананда, отдавая дань уважения Акбару и порицая политику его правнука Аурангзеба, говорил: «Число таких царей, как Акбар, который заботился о своих подданных, гораздо меньше, нежели таких, как Аурангзеб, который строил своё благополучие на крови собственного народа» (3).

И по прошествии четырёх столетий Акбар остаётся для индийцев символом милосердия, справедливости и благородства. Выдающийся русский художник, учёный и философ Н.К.Рерих, собравший во время своей Центрально-азиатской экспедиции (1923 – 1928) замечательные свидетельства различных народов о жизни великого объединителя и создателя могучей империи, писал: «Не смешает со множеством славных имён народ Индии имя Акбара, собирателя, творца счастливой народной жизни. Народ не забывает и не припишет никаким умаляющим побуждениям широкие мысли великого объединителя Индии. В храмах индусских имеются изображения Акбара, несмотря на то что он был мусульманин. Вокруг головы императора изображается сияние, что вовсе не всегда является отличием просто властителя. Для Индии Акбар является не просто властителем, но сознание народное отлично понимает, что он был выразителем души народной. Так же как и многие, священные в памяти, имена, он собирал и сражался вовсе не для личной ненасытности, но творя новую страницу великой истории» (4).

Мудрый Акбар выдвинул три основных принципа государственной политики: сохранение национального государства, принцип *солх-и-кула* – «мира для всех», то есть примирение мусульман с индусами, и объединение Индии. Начало правления Акбара было осложнено постоянными распрями между приверженцами двух религий: традиционного индуизма и «пришлого» ислама, насаждавшегося предками Акбара. Благодаря мудрой политике Акбара и многонациональной Индии долгое время удавалось сохранять мир.

В древней истории можно найти ещё одну фигуру, по масштабам равную Акбару: это библейский царь *Соломон*, прославившийся своей мудростью и справедливостью. Так же, как и Акбар, Соломон задумывался о едином начале сущего, заботился об укреплении своего государства, творил справедливый суд, ощущал власть как тяжкое бремя и каждого из них смерть застала в самом разгаре созидания. Им обоим посвящены прекрасные сказания, сюжеты которых иногда удивительно перекликаются друг с другом.

Обративший внимание на такое сходство Н.К.Рерих писал: «В старом царстве уйгуров, где теперь живут благоверные мусульмане, имя Соломона мешается и с царём Александром и с великим Акбаром. Иногда вы узнаете те же сказания, которые украшают и царя и собирателя Индии. «Какжется, то же самое говорят и про Акбара, названного Великим?»

Старый седой мусульманин в зелёной чалме, совершивший покаяние в Мекке, наклоняет голову: «Оба Владыки были мудры и велики. Когда видите две снеговые горы, как решитесь сказать их отличие? Они обе сверкают под одним солнцем, и приблизиться к ним обоим одинаково трудно. Кто же решился бы приписать одному Владыке то, что может быть, принадлежит им обоим? Правда, Владыка Акбар не выходил за пределы Индии. Он укреплял её, оставаясь внутри её, и мы не знаем, какие джинны служили ему. О царе же Соломоне все знают, что он летал по всему свету, учился правде во всех странах, и даже он был на далёких звёздах. Но кто же может снизу судить о двух снеговых вершинах? Мы даже надеваем тёмные очки, чтобы защитить наши слабые глаза от их блеска» (5).

Побывавший в Индии в середине нашего века чешский индолог Ян Марек записал в городе Джайпуре ещё одну красивую легенду о внимании Акбара Великого к простым людям: «Во времена султанов из рода Шарки два берега были связаны лишь приставленными друг к другу лодками. За переход на другую сторону надо было платить. Однажды наш город посетил император Акбар. Вечером он решил покататься на лодке. На берегу он увидел плачущую бедную женщину. Император спросил её, о чём она плачет. Женщина рассказала, что живёт за рекой и у неё нет денег, чтобы заплатить за переход по лодочному мосту, и поэтому она не может сегодня вернуться к своим детям. Акбар перёз её на своей лодке, а на следующий день приказал наместнику Муним-хану построить каменный мост на том месте, где плакала несчастная женщина. Наместник выполнил приказ императора, и новый мост назвал «Пули Акбара» – «Мост Акбара». Так его называют и в наши дни» (6).

